Пахмутова А.Н. 12/XI-85

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ ● 12 ноября 1989 г. ● № 261 (10112) ● 3 стр.

С песней по жизни

ДАРЯТ ЗВЕЗДЫ СВОЮ НЕЖНОСТЬ

Начну, пожалуй, с самого поразительного. Вот сколько лет знаю Александру Николаевну Пахмутову (так и хочется ее назвать привычно, по-комсомольски, как когда-то, Алей), а все не покидает меня чувство какой-то неудовлетворенности. Нет, звезда ее славы взметнулась быстро. И не только потому, что песни ее пели повсюду. Помню, как потрясенный успехом на Московском конкурсе имени Чайковского американский пианист Ван Клиберн, только что игравший Рахманинова, сел вновь за рояль и исполнил со слезами на глазах знаменитые «Подмосковные вечера».

Так отчего же все-таки не покидает меня чувство неудовлетворенности? Может, мало кто знает, что Аля Пахмутова училась в Москве у знаменитого оперного композитора Виссариона Яковлевича Шебалина. Вот однажды в начале 60-х мы и разговорились с ним. Высказал он тогда удивительную мысль: «У Пахмутовой, кроме поразительного песенного дара, есть и нечто такое, чего в нашей композиторской русской школе еще, пожалуй, не бывало. Ей доступны крупные музыкальные формы: с ее чувством удивительного мелодизма она могла бы быть королевой советской оперетты, чародейкой лирической оперы, да в ней столько еще и драматизма, что я не удивлюсь, если она создаст не одну прекрасную симфонию...»

Мы долго говорили тогда, и Виссарион Яковлевич называл ее имя рядом с именами Соловьева-Седого, Дунаевского, Лепина, Милютина... Вот какой диапазон чувствовал в своей талантливой ученице профессор Шебалин, сетуя лишь об одном: «золотой век» советской оперетты тогда уже клонился к закату и где можно было бы найти незаурядного либреттиста, чей талант не уступал бы пахмутовскому?!.

Мне жаль, что пока это так и осталось не осуществленным. Да и сам Шебалин, видимо, понимал, как удачно складывается песенная судьба Александры Николаевны, не торопил ее, не смущал такими сложными творческими задачами. Но верил: время такое у нее наступит, обязательно наступит!.. **К этому она сама должна прийти.**

Первую легенду о ней я узнал, еще будучи геологом. Назавтра мы уходили в разные маршруты, а вечером у костра пели ее песни под гитару, абсолютно убежденные, что сочинить их мог только наш коллега. Потом, поймав на радиоволне в далеком Тянь-Шане эту мелодию, я поразился, что автор ее — женщина. А когда в середине 60-х годов познакомился с Александрой Николаевной, был потрясен ее хрупкостью и поразительной силой духа, оптимизмом, удивительной открытостью, доброжелательством, скромностью. Тогда в зале ЦК комсомола, где мы прослушивали ее новую песню, были немногие близкие ей друзья — космонавты Юра Гагарин, Леша Леонов, несколько певиц, Иосиф Кобзон, кто-то еще из комсомольских работников, и, как всегда, волновался поэт и муж ее Коля Добронравов (их творческий тандем подарил немало нам песен, составивших славу Пахмутовой).

Пишу об этом потому, что комсомол тех лет представить без песен Александры Николаевны никак нельзя. Уникальность пахмутовского дара и заключалась в том, что она умела видеть в комсомольском движении лучшее, отлично разбираясь, где царят формализм или какие-то карьеристские настроения, а где живет душа комсомола. Пожалуй, «Орлята учатся летать» — это относится ведь не только к самым юным.

Учиться летать — это как еще понимать! Это ведь и на подводной лодке надо, и на сторожевом корабле. В общем, везде, где требуется взлет человеческой души. Вспоминаю, как побывал я с группой писателей у военных моряков-дальневосточников. Один из маститых поэтов неловко выразил сожаление: вот, мол, ребятки, плаваете вы чуть ли не в этом стальном гробу. Ему тогда никто не ответил на такую бестактность, а уже потом командир корабля сказал: послушал бы этот товарищ писатель пахмутовскую песню об усталой подлодке — вот там и правде, и мужеству она учит...

Есть еще у Пахмутовой такая песня с совсем непоэтическим названием — «ЛЭП-500». Честно говоря, когда впервые услышал я это название, огорчился: неужели тут вкус изменил Александре Николаевне? Оказалось — я ошибся: трудно себе даже представить, сколько писем хлынуло сюда, на стройку, на Ангару. Люди приезжали группами, строители вспоминают, что та песня Пахмутовой стала для них как бы своей, она звала к романтике открытия собственной судьбы. Отдел кадров той стройки не знал, что делать с приезжими: «Вы нам не объясняйте, какие тут у вас трудности,— говорили люди.— Вы нас направляйте на работу... Трудности нам не помеха и не страшны. Будем строить здесь новую жизнь». Вот что такое пахмутовская песня в самой что ни на есть будничной жизни.

Наверное, не стал бы вспоминать здесь и другие замечательные песни, иначе пришлось бы пересказать многое лучшее, что было сделано композитором, всегда остро чувствующим ответственность перед своим поколением, перед будущими, теми, кто вступает в жизнь нынче.

Но одно надо отметить обязательно: что бы ни делала Александра Николаевна, ее всегда окрыляла искренность чувств, влюбленность человека в жизнь сильного талантливого человека.

Вот почему стоит задуматься нам нынче над тем, что честный талант никогда не конъюнктурен. Даже если Пахмутова и писала что-то по так называемому госзаказу, это всегда проходило через ее сердце. Вспомните «Нежность», посвященную Юрию Гагарину: тут ведь за каждым словом — долгие годы дружбы глубоко человеческой. Или вспомните «Марш энтузиастов»: ведь и в нем не заказ, а душа, суть Пахмутовой. И нет, пожалуй, ни одного концерта по заявкам, в котором бы не просили исполнить ее песни летчики, моряки, воины, геологи, пограничники, комсомольцы и ее юности, и нынешних 80-х годов...

Да, песни принесли ей всенародную славу. И даже вроде бы внешне благополучную судьбу. Правда, должен сказать, что за все годы знакомства я никогда не ощущал того, что Аля Пахмутова — это и народная артистка СССР, и секретарь правления Союза композиторов, и лауреат Государственных премий, и первый наш комсомольский лауреат... Знаю другое: что в обычной ее московской квартире рабочий стол завален нотами новых произведений, что Коля, Николай Николаевич Добронравов, охраняет ее творческие часы от назойливых звонков интервьюеров, что она находит время встречаться с совсем молодыми и неизвестными певцами, стремясь понять их нынешние музыкальные вкусы и пристрастия. Знаю, что событием недавней музыкальной жизни столицы стало ее произведение «1825 год. Речитатив и полонез». (Прав все-таки был ее учитель Виссарион Яковлевич Шебалин: ей доступны такие формы!) Что появилось оригинальное явление Пахмутовой «Настало бить в колокола» и цикл на стихи Расула Гамзатова... И что она часто огорчается теперь оттого, что многое новое, необычное годами не может найти выход в эфир... Может быть, новые времена и новые моды?

Да нет же, истинная, талантливая музыка обязательно пробьется к своим слушателям. Хочется верить в это. Как и в то, что вступает ныне Александра Николаевна Пахмутова в новую пору своей творческой жизни. Чтобы дарить людям звездную нежность своей души...

Ю. ЧЕРЕПАНОВ.